

ЛИКВИДАЦИЯ «ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СОГЛАШЕНИЯ»

ИЗ ИСТОРИИ «СОВРЕМЕННОГО» КОНЦА 1850-х ГОДОВ

Статья и публикация С. Макашица

В истории некрасовского «Современника» конца 50-х годов важное место занимает эпизод с так называемым «обязательным соглашением», заключенным в 1856 г. между редакцией журнала, с одной стороны, и четырьмя крупнейшими писателями — Гургеньевым, Толстым, Островским и Григоровичем — с другой. «Обязательное соглашение» устанавливало «исключительное сотрудничество» названных писателей в «Современнике», т. е. закрепляло за последним монопольное право на первопечатную журнальную публикацию их литературных трудов. При этом декларировалось новое, хозяйственное и редакционное, устройство журнала. Подписавшие «обязательное соглашение» получали, в отличие от простых сотрудников «Современника», наименование и права «участников». Они могли оспаривать и даже отклонять («в случае их единогласного приговора») решение редакции о принятии статьи одного из них и получали право «наблюдения за общими выгодами и интересами» издания. Наконец, в материальном отношении «исключительные сотрудники» получали право на участие в доходах («дивиденде») от журнала и притом в долях, равных с Некрасовым и Панаевым, т. е. с обоими редакторами издания. Одним словом, «обязательное соглашение» придавало редакции «Современника» черты коллегиальности и, в известной мере, превращало дело издания журнала в артельное предприятие группы писателей.

«Обязательное соглашение» возникло в сложных условиях расстановки классовых сил кануна «реформы», когда противоречия этих борющихся сил еще в полной мере не вызрели и не выжились. 1856 год, когда возникла и оформилась идея «соглашения», был высшей точкой либеральных иллюзий в освободительном движении 60-х годов. Это был первый год после катастрофы Крымской войны. Само правительство не считало ни возможным, ни целесообразным сохранение в полной неприкосновенности старого феодально-крепостного порядка николаевского времени. Уже манифест Александра II о заключении мира давал туманные обещания реформ. Либеральное лавирование и либеральные лозунги правительства, имевшие целью добиться такой «реформы», которая отвела бы опасность революционного взрыва, на первых порах ввели в заблуждение, как известно, даже демократов, и не только Герцена, но и Чернышевского. Оппозиционные же настроения помещичьего и буржуазного общества были вполне удовлетворены «обновленным» курсом правительственной политики. Лозунгом либерального лагеря было «объединение всех сил партии прогресса», и лозунг этот, знаменовавший целый этап бурного периода 60-х годов, пользовался именно в 1855—1856 гг. наибольшей популярностью. Формулируя свою политическую программу, один из лидеров либерально-буржуазного лагеря, Кавелин, писал к Погодину 3 ноября 1855 г.: «Время теперь такое, что всем честным и благомыслящим людям в России надобно забыть о взаимных неудовольствиях, личных, литературных и научных, и оставить несогласие в образе мыслей на второй план, а на первое — единство, доверие взаимное, соглашение хоть в том, в чем согласиться можно, а таких пунктов гораздо больше, чем кажется с первого взгляда».

Своеобразным отражением этих либеральных иллюзий в назревавшей революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов и явилось «обязательное соглашение»

«Современника» 1856 г. Накануне исторически predetermined окончательного размежевания демократов и либералов «соглашение» пыталось конституировать блок, или коалицию, этих противостоящих общественных групп. При этом веру в возможность и целесообразность такой коалиции разделяли обе стороны. Весьма показательным в этом отношении является тот лишь недавно установленный факт, что в выработке двух основных, известных нам документов, оформивших «обязательное соглашение», приняла главное участие (при общей инициативе Некрасова), с одной стороны, Тургенев, а с другой — Чернышевский. Первым был написан черновой текст «контракта» (под названием «Проект условий»), вторым — черновой же текст «объявления о „Современнике“ на 1857 год».¹

«Обязательное соглашение», как известно, не оправдало возлагавшихся на него надежд и скоро было аннулировано самой жизнью. В условиях все обострявшейся классовой борьбы в стране, накануне возможного революционного потрясения вопрос шел не о коалиции двух борющихся «партий» — либералов и демократов, а об их дальнейшем идейно-политическом самоопределении и взаимном размежевании. И по мере того, как Чернышевский, при полной поддержке Некрасова (находившегося с августа 1856 по июнь 1857 г. за границей), уверенно переводил «Современник» на революционно-демократическую платформу, происходил процесс внутреннего идейно-политического отхода от журнала его либерально-дворянской группы. Не заговаривая еще о своем разрыве с «Современником», участники «обязательного соглашения» (Тургенев, Толстой) вместе с тем открыто демонстрировали свое несогласие с политической линией журнала и вели атаки на Чернышевского, выражая свое недовольство усилением его роли и значения в журнале.

В этих условиях участники «обязательного соглашения» уже не могли смотреть на «Современник» как на «с в о й» журнал. Объективно это выразилось в том, что литературный вклад «исключительных сотрудников» в «Современник» в течение 1857 г. — первого и единственного года действия «соглашения» — оказался весьма незначительным. Тургенев дал всего лишь одно произведение, да и то старое, ранее не пропущенное цензурой («Чужой хлеб»), Островский — тоже одно произведение («Праздничный сон до обеда»), Толстой — две вещи («Юность» и «Люцерн») и лишь один Григорович дал четыре произведения («Очерк современных прав», «В ожидании паром», «Скучные люди» и «Кошка и мышка»). Общий объем всего напечатанного участниками «соглашения» в «Современнике» 1857 г. равнялся всего лишь 28 листам. При этом пять книжек журнала из двенадцати «блистали» полным отсутствием произведений «исключительных сотрудников».²

В какое трудное положение была поставлена редакция «Современника» с самого начала действия «обязательного соглашения», дает представление хотя бы письмо Панаева к Островскому от 5 января 1857 г. Панаев писал: «Надо вывозить „Современник“... если бы Тургенев сдержал свое слово для 2 №, я бы не мучил Вас, но теперь — я повторю Вам, что без Вас 2 № погибнет. Не обескураживайте редакцию, бога ради! Я не хочу отвлекать Вас от Вашего слова „Беседа“, но дело в том, что „Современник“ сию минуту в критическом положении по недостатку материалов... и требует Вашей помощи!.. Спасайте его, спасайте!» К этому письму была сделана следующая приписка Толстым: «...жалобы Панаева совершенно основательны, и ежели ты не пришлешь ничего ко 2-ой книжке, союз наш примет не только комический характер, но просто шлепнется во всех отношениях!».³

Умоляюще-панические письма Панаева к участникам «соглашения» не исправили положения. Вернувшийся из-за границы летом 1857 г. Некрасов должен был констатировать, в письме к Тургеневу от 14 июля, что «участники уже поставили себя перед публикой в комическое положение, а журнал в трагическое».⁴ Говоря о «комическом положении», Некрасов, вероятно, имел в виду сатирический выпад против «обязательного соглашения» в июньском номере «Сына Отечества» Старчевского. Анонимный автор (Л. Добровольский или И. Лъховский) писал в «Обзоре журналов»:

«Случается встречать охотников до хороших лошадей, особенно между нашими помещиками. У иного на конюшне стоят отличнейшие упряжные, арабской или персидской породы, просто ветер, огонь! Заложу их только в экипаж, унесут невесть куда.

Но почтенный любитель держит их почти только напоказ. Перед всяким гостем прикажет вывести их, провести вокруг двора и опять поставить на место. Ездит он на них в год раза три-четыре, при каких-нибудь особенно торжественных случаях, а круглый-то год выезжает на таких клячах, что и посмотреть совестно. Между тем слава о его лошадях гремит и близко и далеко.

Вот уже больше года обертка „Современника“ щеголяет знаменитой четверней, запряженной в колесницу „обязательного соглашения“, в которой журнал гг. Некрасова и Панаева намерен мчаться к литературной славе или, по крайней мере, навстречу многочисленных подписчиков. Этой ли четверке крылатых не вывезти какой угодно клади?—думают правящие.—Легко сказать: автор „Записок охотника“ и „Постоялого

БЛИЖАЙШИЕ СОТРУДНИКИ «СОВРЕМЕННОГО» 1850-х гг.

Сидят: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин, А. Н. Островский
Стоят: Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович

Фотография 1856 г.

Литературный музей, Москва

двора», автор „Детства“, „Юности“ и „Севастопольских рассказов“, автор „Антона Горемыки“, „Рыбаков“ и „Школы гостеприимства“, автор „Своих людей“ и „Доходного места“! — Обставив свой отдел беллетристики подобными именами, можно надеяться на успех. Но скажите, сколько книжек „Современника“ вышло уже в нынешнем году без произведений этих даровитых литераторов? И неужели редакция думает, что читателям не было бы во сто раз приятнее видеть имена эти, хоть и реже, да на второй странице обертки, а не на первой?».5

В августовской книжке «Сына Отечества» вновь сатирически затронута тема «обязательного соглашения». «Долгое, е д и н о д у ш и о е м о л ч а н и е четырех „обязательных“ сотрудников „Современника“, — писал обозреватель журнала, — наконец, нарушилось рассказом г. Григоровича „В ожидании паром“ (следует изложение).

Нельзя не заметить, что „обязательное соглашение“ оказывает покуда невыгодное влияние на творческую деятельность господ контрагентов. И мало, и слабо!»⁶

К концу 1857 — началу 1858 г. с обеих сторон вызревает решение ликвидировать неоправдавший себя «союз». Так, Некрасов признается Тургеневу в письме от 25 декабря 1857 г.: «Должен я тебе сказать, что обяз^{ательный} союз меня начинает тяготить, связывая мне руки...»⁷ Сам Тургенев, упоминая в письмах этой поры «обязательное соглашение», именует его не иначе как «пресловутым». ⁸

А Толстой, ставя точки над «я», прямо извещает Некрасова 17 февраля 1858 г.: «По здравом обсуждении я убедился, любезный Николай Алексеевич, что союз наш ни к чорту не годится. Все, что мы с Вами говорили об этом в Петербурге, справедливо было, а теперь явились еще две новые причины. Во-первых, то, что мне хочется печатать в другие журналы; во-вторых то, что Вы мне не присылаете расчета дивиденда, вот полтора месяца. Из всего этого я вывел решение разорвать союз».⁹

Но такое решение, к этому времени, уже было принято и самим Некрасовым и не только принято, но и воплощено в документе, официально ликвидировавшем «обязательное соглашение». Документ этот до сих пор не был известен. Мы знали лишь, что он существовал и был разослан участникам «обязательного соглашения» вместе с предложением этим последним каких-то новых условий их сотрудничества в «Современнике». В исследовании об «обязательном соглашении» В. Е. Евгеньева-Максимова читаем о ликвидации «неудавшейся коалиции»: «... в феврале 1858 г. он <Некрасов> уже предпринимает официальные шаги к расторжению союза, придав им форму особого „обращения“ к участникам, о котором содержатся весьма определенные упоминания в его письмах и к Толстому (от 22 февраля) и к Тургеневу (от 17 марта). Из сопоставления этих данных нельзя не прийти к заключению, что в „обращении“ (оно, к сожалению, до сих пор еще остается неизвестным) расторжение союза мотивировалось тем, что участники его не выполнили своих обязательств в отношении журнала, и содержалось предложение продолжать сотрудничество в нем на каких-то новых условиях...»¹⁰ Сейчас мы имеем возможность восполнить, хотя и частично, констатированный В. Е. Евгеньевым-Максимовым пробел в документации, относящейся к истории «обязательного соглашения», и тем самым уточнить фактическую картину его ликвидации. К сожалению, текст «обращения» в том подлиннике (их было четыре, по числу участников), который мы публикуем, сохранился не полностью. Отсутствует начало документа (повидимому, один лист). Вот этот текст:

«ОБРАЩЕНИЕ РЕДАКЦИИ «СОВРЕМЕННОКА» К УЧАСТНИКАМ
«ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СОГЛАШЕНИЯ» О РАСТОРЖЕНИИ ДОГОВОРА 1856 г.
И ПРЕДЛОЖЕНИЕ НОВЫХ УСЛОВИЙ СОТРУДНИЧЕСТВА»

«...» вовсе откажется от напечатания его произведения.

Таким образом, если г. г. участники напишут каждый не более 10-ти листов в год, то получают верных в год 6 тысяч руб. сер. Сумма эта равняется тому, что получают г. г. участники за 1857 год¹¹ — вместе с дивидендом, — и при том на будущие годы она не подвержена опасности уменьшиться ни от убыли подписчиков, ни от вступления новых участников.

Редакция же Современника выиграет полную свободу в действиях по журналу, которая при настоящих обстоятельствах ей необходима, потому что издание журнала сделалось несравненно дороже, чем было при заключении условия, угрожает возвышаться в цене с каждым годом и требует р и с к а, который возможен только при полной независимости.

До какой степени увеличились расходы по журналу, можно видеть из следующего:

1) При заключении условия журналы давали в месяц не более 30 листов, и увеличивать это число не было надобности. Ныне некоторые журналы дают более, и Современник должен делать то же. Если прибавить кругом только 2¹/₂ листа в месяц, нужно выдать в год 30 листов лишних.

2) При заключении условия главный расход на содержание журнала представляли повести; ныне столь же важны статьи, касающиеся вопросов времени, и, таким образом, расход на оригинал увеличился в прошлом году на третью долю и еще непременно возрастет в 1858 году.

Что же из этого следует?

Если редакция откажется от требуемых временем улучшений — журнал упадет (при чем пострадали бы интересы г. г. участников); если допустит их, то потеряет свой доход, а возможное от этого риска приращение подписчиков поступит в пользу г. г. участников.

Редакция не желает уронить журнал и не может, при существующих на ней долгах, жертвовать своим доходом (как, впрочем, поступила она в 1857 году), — не может, если б даже и хотела, ибо она не будет в состоянии долго выдержать чрезвычайных расходов, требуемых обстоятельствами. До какой степени значительны эти чрезвычайные расходы, может показать уже начало нынешнего года.

1) Для усиления подписки на журнал редакция нашла нужным присоединить к Современнику Историческую Библиотеку. Чтоб эта мера, несомненно выгодная для журнала, не была в убыток редакции, нужно нам иметь на Историч. Биб. 2000 подписчиков. По ходу подписки видно, что их будет не более 1200, и, таким образом, на первый год редакция понесет убытку от Историч. Биб. до 2500 рублей.¹²

2) Редакция не могла упустить неожиданно представившейся возможности выдать роман Х и ж и н а Д я д и Т о м а. Но предвидя, что, как скоро она начнет издание романа, ее примеру последуют и другие журналы, она должна была выдать его разом и потому выпустила 1-ую книгу на 1858 год 17-ью листами более, что и составило передержку в 1500 рублей. Таким образом, уже одно начало года представляет чрезвычайный расход в 4000 руб. сер., непредвиденный при заключении условия.

Оставляя в стороне вопрос — хорошо ли, худо ли действовала в этих случаях редакция, из этого можно видеть одно — до какой степени ей необходима полная свобода в действиях, — свобода, при которой только возможен р и с к, без которого журналу теперь предстоит неминуемое падение.

Итак, вот прямая причина, побуждающая редакцию воспользоваться поводом к изменению условия. Изложив ее откровенно, мы считаем ее достаточною для убеждения г. г. участников в необходимости изменить условие, которое, ставя интересы редакции в противоречие с достоинством журнала, может привести журнал к падению. О других причинах, на которые указал нам опыт истекшего года, едва ли нужно упоминать.

Нам могут заметить, что все это мы могли предвидеть и не заключать условия. На это мы скажем, что мы всегда имели полную веру в добросовестность, деликатность и доброжелательство к нашему журналу г. г. участников и не сомневались, что они согласятся на отступления от условия так же легко, как сами от него отступали, коль скоро оно не окажется удобным для обеих сторон, даже и в таком случае, если б к изменению условия не представилось юридического повода. Сохраняя это убеждение и ныне, мы просим г. г. участников:

1) Считать условие заключенное в 1856 году уничтоженным.

2) Подписать прилагаемое при сем новое условие, в случае их согласия; или предложить к нему нужные, по их мнению, дополнения и изменения.

3) Известить редакцию, куда должен быть доставлен причитающийся им за 1857 год дивиденд или кому вручен в Петербурге.

С.-Петербург 1858 г.
Февраля 10

Ив. Панаев
Ник. Некрасов

П Р И Л О Ж Е Н И

〈Проект новых условий сотрудничества〉

Я нижеподписавшийся заключил с редакцією Современника следующее условие:

В течении 1858, 1859 и 1860 годов сочинения мои беллетристического содержания обязуюсь печатать в Современнике с тем, что редакция обязана мне платить за каждый печатный лист моего сочинения, с моим именем напечатанного, по сто пятидесяти рублей серебром.

По истечении года, но не ранее, имею право сочинения эти издавать отдельно в мою пользу.

Не лишаюсь права помещать свои произведения и в других журналах, но только в таком случае, если редакция откажет мне в плате по 150 р. с. за лист.¹³

О несогласии на уплату этой цены должен я иметь письменное уведомление редакции.

Февраля 1858 г.

〈Место для подписи〉

Редакция Современника на эти условия со своей стороны согласна, в чем и подписуемся.

Ив. Панаев

Н. Некрасов

〈ЦГЛА. Ф. 338, лл. 1—3. Текст — рукой писца; подписи — автографические. Подготовлено к печати И. Болотиной〉.

Какова была судьба этого «обращения»?

Датированное в нашем подлиннике 10 февраля, оно было разослано участникам «обязательного соглашения» лишь 22 февраля. Причиной задержки явилось, вероятно, то обстоятельство, что не был еще готов рассылавшийся одновременно с «обращением» документ, озаглавленный «Расчет для определения дивиденда, причитающегося 4 сотрудникам за исключительное участие в журнале Современник в 1857 году».¹⁴ В письме к Толстому от 22 февраля 1858 г. Некрасов писал:

«Любезнейший Лев Николаевич. Посылаю с этой же почтой обращение ред〈акции〉 Современника к г.〈г.〉 участникам. Из него Вы усмотрите, в чем дело. Я должен только прибавить, что до Вас не относится упрек, в нем заключающийся, ибо Вы единственный, не нарушивший условия. Надеюсь, взглянув на дело беспристрастно, Вы согласитесь, что пужно было так поступить. Дело не в деньгах, но в том, чтобы мне были развязаны руки, и в упрощении отношений, так как легкость взгляда некоторых участников на прежнее наше условие делала его обязательным только для ред〈акции〉 Современника. Этому надо было положить предел...».¹⁵ На это Толстой отвечал Некрасову 26 февраля 1858 г.: «Нынче получил Ваш циркуляр и спешу ответить. Что я вполне согласен на разрыв союза, Вы убедитесь из моего прежнего письма 〈цит. выше письмо от 17 февраля〉. Что Вы поступили совершенно справедливо, в этом тоже нет никакого сомнения. Итогом своего расчета я вполне доволен <...〉».¹⁶

Почти месяц спустя Некрасов писал Тургеневу по поводу расторжения договора: «Пожалуйста, не думай, что корыстные расчеты побудили меня к уничтожению обяз〈ательного〉 соглашения. Правда, и денежные соображения тут были, но такие, пренебречь которыми было бы неблагоприятно для самого дела: ты это увидишь из посылаемого при А с е обращения к обязательным сотрудникам. Толстой и Григорович признали его справедливым, от Островского не имею ответа, в тебе я не сомневаюсь, ибо знал, что ты хлопотал не для себя, а для меня и Современника. Время покажет, что я не из жадности так распорядился, а из того, чтоб заставить обяз〈ательных〉 сотр〈удников〉 работать — и себе развязать руки».¹⁷

Таким образом, «обращение» либо не было послано Тургеневу одновременно с рассылкой его трем остальным «участникам» и теперь посылалось впервые, вместе с оттиском его повести «Ася» («Современник», 1858, I), либо не дошло до него и посылалось вторично. Но оно не дошло до него и на этот раз. Тем не менее, отвечая Некрасову на его письмо, Тургенев сообщал 27 марта (8 апреля) 1858 г., что, и не получив циркуляра о расторжении договора, он «заранее на все соглашается».¹⁸

Итак, «обязательное соглашение», о заключении которого редакция «Современника» объявляла год назад как о крупнейшем своем успехе, было расторгнуто при обоюдном удовлетворении обеих сторон. «...Наше «обязательное соглашение» рухнуло! — писал Тургенев Толстому 8 апреля н. с. 1858 г. — Этого следовало ожидать. Я очень доволен этим оборотом дела. Словно на волю отпустили, хотя на что она, эта воля?»¹

Доволен был «оборотом дела» и Некрасов. Об этом свидетельствуют все приведенные выше заявления его и сам опубликованный текст «обращения». О том же можно

Я извещаю вас своим письмом редакцию Современника с извещением о прекращении сотрудничества. Вступивши в 1856, 1857 и 1858 году в сотрудничество с вами, редакция «Современника» платила за сотрудничество по 100 руб. в месяц. По прошествии этого срока, по моему желанию, я решил прекратить сотрудничество с редакцией. По моему желанию, я решил прекратить сотрудничество с редакцией. По моему желанию, я решил прекратить сотрудничество с редакцией.

Но в том же письме, по моему желанию, я решил прекратить сотрудничество с редакцией. По моему желанию, я решил прекратить сотрудничество с редакцией. По моему желанию, я решил прекратить сотрудничество с редакцией.

34

Не лишнее будет предостерегать вас от сотрудничества с редакцией «Современника» в будущем. По моему желанию, я решил прекратить сотрудничество с редакцией. По моему желанию, я решил прекратить сотрудничество с редакцией. По моему желанию, я решил прекратить сотрудничество с редакцией.

Описание на ушном ухе этой газеты, по моему желанию, я решил прекратить сотрудничество с редакцией. По моему желанию, я решил прекратить сотрудничество с редакцией. По моему желанию, я решил прекратить сотрудничество с редакцией.

Февраль 1858 г.

Редакция Современника на эти условия со своей стороны согласна, во всем и погасившая.

И. И. Панаева

Н. Некрасов

ПРОЕКТ НОВЫХ УСЛОВИЙ СОТРУДНИЧЕСТВА, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ РЕДАКЦИЕЙ
«СОВРЕМЕННОКА» УЧАСТНИКАМ «ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СОГЛАШЕНИЯ».
ФЕВРАЛЬ, 1858 г.

Проект скреплен подписями Некрасова и И. И. Панаева
Центральный литературный архив, Москва

судить и на основании отзыва Е. Я. Колбасина, вынужденного констатировать в письме к Тургеневу от 25 февраля 1858 г., в качестве «третьей стороны», что «редакция <«Современника»> отчасти права: кроме брани не только от соперников, но и подписчиков, коалиция доставила ей немного».²⁰

Несмотря на отсутствие в нашем экземпляре «обращения» его вступительной, мотивировочной, части, можно утверждать, что причины, побудившие Некрасова расторгнуть договор 1856 г., изложены в документе не с полной откровенностью. Значительное увеличение расходов на журнал со стороны самого Некрасова, от чего выигрывали «исключительные сотрудники», не только не участвовавшие, однако в этих расходах, но и немало способствовавшие их возникновению неаккуратностью и малой продуктивностью своего сотрудничества, — обусловило материальную неправомерность сто-

рон в действующем соглашении. Обоснованием этого тезиса как деловой причины расторжения союза и ограничивается, в основном, содержание опубликованного нами документа. Но Некрасов сам указывает в нем, что эта причина явилась лишь «поводом к изменению условий». А в письмах к Толстому и Тургеневу он подчеркивает, что «дело не в деньгах», что не «корыстные расчеты побудили его к уничтожению обязательного соглашения» и что, если тут и были «денежные соображения», то лишь такие, «пренебречь которыми было бы неблагоприятно для самого дела».

В этих же письмах, как и в самом тексте «обращения», Некрасов несколько раз энергично выделяет, в качестве главного побудительного мотива разрыва соглашения, необходимость для редакции получить «полную свободу в действиях по журналу», которая «при настоящих обстоятельствах ей необходима, при которой «только и возможен р и с к», без чего «журналу теперь предстоит неминуемое падение».

Если считать, что известный нам «проект условий» «обязательного соглашения» (опубликованный В. Е. Евгеньевым-Максимовым) в основном соответствует его окончательному тексту, то эти атаки Некрасова могли быть и формально и по существу направлены лишь на один пункт договора. Это 13-й его пункт, гласивший: «Из числа участников избираются ими же двое для наблюдения за общими выгодами и интересами. Один из этих выбранных должен иметь постоянное пребывание в Петербурге».²¹

Но, во-первых, нет никаких данных, которые бы говорили о том, что данный пункт послужил причиной возникновения каких-либо трений между Некрасовым и «участниками»; во-вторых, нет даже сведений о том, что этот пункт вообще был осуществлен, хотя бы и формально; нам ничего неизвестно о существовании в 1857 г. двух «наблюдателей» из числа «исключительных сотрудников», контролировавших редакцию «Современника»; в-третьих, нет, наконец, никаких оснований предполагать, чтобы Толстой или Тургенев, Островский или Григорович, безусловно признававшие приоритет Некрасова в умении вести редакционно-издательские дела, могли или собирались оспаривать какие-то его планы или решения в области укрепления материального положения «Современника» и тем угрожали стеснить его свободу в этой области руководства журналом.

И все же атаки Некрасова на 13-й пункт не были беспредметны, хотя и имели скорее эвентуальный характер. Некрасов не мог не учитывать все возрастающее и обострявшееся недовольство политической линией «Современника» со стороны всего либерально-дворянского лагеря. Недовольство это порождало такие далеко идущие планы, как проект Боткина заменить Чернышевского как критика и публициста журнала Аполлоном Григорьевым, или предложение Дружинина Тургеневу, «чтобы Вы, Толстой и Боткин стали господами в журнале, отодвинувши как можно подальше всю его редакцию».²² Правда, дальше разговоров эти проекты не пошли. Но в разгоравшихся литературно-журнальных боях, отражавших нарастание общего напряжения классовой борьбы в стране, политическое чутье Некрасова справедливо уловило опасность таких тенденций. Пункт 13-й «соглашения» формально-юридически открывал путь для их разрушительного вмешательства, направленного на взрыв изнутри демократической редакции и на установление гегемонии или, по крайней мере, контроля либерально-дворянской группы.

Угроза такой опасности, хотя, повторяем, скорее эвентуальной, действительно стесняла свободу действий редакции «Современника» и должна была быть устранена. С другой стороны, опыт «обязательного соглашения» убедил Некрасова в том, что рассчитывать на исключительную помощь писателей либерально-дворянского лагеря «Современник» теперь уже не может и что, при всем авторитете, блеске и популярности писательских имен Тургенева и Толстого, Островского и Григоровича, центр читательских интересов передовых кругов русского общества переместился. В раскаленной общественно-политической обстановке кануна революционной ситуации успех журналов решали не романы, повести и стихи, а боевая критика и публицистика, насыщенные горячим политическим дыханием тех дней (см. пункт 2-й «обращения»: «При заключении условия главный расход на содержание журнала представляли повести; ныне столь же важны статьи, касающиеся вопросов времени...»). В этих условиях продолжение «исключительного сотрудничества» трех писателей-беллетристов и одного драматурга не являлось уже в глазах Некрасова тем фактором, который был безусловно необхо-

дим для успеха журнала. Это не значит, конечно, что Некрасов недооценивал великие дарования Толстого, Тургенева и Островского. Он не только не закрывал пути к продолжению их сотрудничества в «Современнике», но считал, что предложенные им новые условия, развязывая ему руки, заставят обязательных сотрудников работать.

Однако предложенные им «новые условия» не содержали в себе, собственно говоря, никаких юридически-договорных пунктов, которые нужно было бы специально оформлять. Это было предложение сотрудничества на обычных условиях, существовавших между автором и редакцией в любом издании. Устанавливался лишь повышенный полустыльный гонорар. Судьба этих «новых условий» неизвестна. Возможно, что документ даже не был приложен к «обращению» при рассылке его «участникам» расторгаемого «обязательного соглашения». Во всяком случае, ни в эпистолярной, ни в мемуарной литературе нет никаких указаний на то, чтобы бывшие «исключительные сотрудники» подписали в начале 1858 г. с редакцией «Современника» еще одно соглашение, текст которого мы опубликовали.

Ликвидация «обязательного соглашения» явилась объективно одним из этапов процесса самоопределения борющихся общественных сил в условиях резкого обострения классово-борьбы в стране. В ходе этого процесса «Современник» (скоро окончательно порвал с либералами и превратился в могучую журнальную трибуну русской революционной демократии, в «идейный штаб» революционного движения 60-х годов.

С другой стороны, в ходе того же процесса происходила консолидация сил либерального лагеря. Одно из мероприятий, направленных к такой консолидации, хотя и не осуществившееся, было как раз связано с ликвидацией «обязательного соглашения». Об этом мы узнаем из неизданного еще письма А. В. Дружинина к В. П. Боткину от 4 марта 1858 г.

Вот что писал критик-«эстетик» своему корреспонденту:

«...До Вас вероятно дошли уже слухи о том, что контракт «Современника» с нашими 4 приятелями уничтожился. Кто тут виноват и прав, решит время и подробные сведения о ходе всего дела, которое было заключено необдуманно образом, в первом году тяготило самих участников и не могло привести ни к чему доброду. Отсутствие соглашения во взглядах и нравственного сближения между журналом и контрагентами, с первого же времени обещали неурядицу — надобно желать только, чтобы все это развязалось без скандала. По поводу всего этого мне пришел в голову план, который я Вам сообщаю и за который следует взяться, не пропуская времени, если Вы его найдете убедительным. Теперь, когда все писатели нашего круга свободны, не испробовать ли нам всем, близким между собою писателям, сделать что-нибудь серьезное общими силами. Это можно совершить, попытавшись издавать свой журнал с 1859 года, или взявши в аренду «Библиотеку для чтения», которую, как я полагаю Печаткин уступит нам сходно, если я погрожу ему, что брошу редакцию. Мы теперь разбросаны, но сил у нас много, кроме этих 4 у нас Гончаров и Ермил; ²³ Анненков и Салтыков, да наконец решительно вся изящная литература. Тургенев, который всегда лелеял в мысли надежду издавать журнал, по моему предположению, будет сочувствовать этому плану. Каждый из главных сотрудников будет и редактором с правами на известную часть дохода, — для работы же безотлагательной и общей при журнале должны быть два или три редактора, постоянно живущие в Петербурге. За денежные [выгоды] ручаться можно, хотя едва ли при большом количестве редакторов они будут очень велики. Но тут вопрос не в деньгах, а в том, что мы, весь круг людей, сближенных по душе, и имеющих свое определенное значение в литературе, — будем иметь свой орган, свое *opus magnum*, свой литературный дом и хорошее занятие для всей нашей жизни. Сила круга, соединенного таким образом, будет огромна, и в нашей литературе может быть впервые появится журнал, действительно сильный по своему устройству и не боящийся никакой конкуренции. Сообщите мне, нравится ли Вам эта мысль, и предложения Ваши о ее приложении к делу. Если Вы не находите ее идеальной и не удобоисполнимой, то уведомьте, и я начну готовить дело к осени, осенью же подготовим объявление и вступим в работу. Если у главных участников будет мало

энергии, и доверия к ходу дела, то можно взяться за него в виде пробы года на два или на три, а потом бросить. Обо всем этом подробнее потолкует с вами Павел Васильевич <Анненков>, на-днях направляющийся за границу...»²⁴

Из проекта Дружинина (он был в это время редактором «Библиотеки для чтения») ничего не вышло. Но не подлежит сомнению, что журнал, проектировавшийся с целью объединения «писателей нашего круга» (к ним Дружинин совершенно неосновательно причислил и Салтыкова), должен был бы противостоять «Современнику» с позиций либерального лагеря и эстетической критики.

Но не Дружининым и Боткиным было под силу вести борьбу с революционной демократией. И если Чернышевский, по его собственным словам, легко «вытеснил» Дружинина несколько ранее того из «Современника», то, могучий, подъем революционно-демократического движения в стране вытеснил вскоре этого лидера дворянского либерализма, эстетика-идеалиста и со всех других руководящих позиций в критике и журналистике эпохи.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ С. Александров и Н. Чернышевская. Объявление о «Современнике» на 1857 год. — «Лит. Наследство», т. 49—50, с. 623—627.

² Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, том второй, М.—Л., с. 351.

³ «Неизданные письма к А. Н. Островскому по материалам музея им. А. А. Бахрушина». Academia, М.—Л., 1932.

⁴ Некрасов, V, 304.

⁵ «Сын Отечества», 1857, 30 июня, № 26 «Обзор журналов». Ср. отклик на это выступление в письме Е. Я. Колбасина к Тургеневу от ноября 1857 года: «Вы пишете, что „Современник“ лопнет... Лопнуть-то он не лопнет, но только ему теперь плохо, по имению материалов. „Сын Отечества“ весьма удачно подострил насчет „Современника“, сравнил его с именитым кушцом (?), у которого, как все знают, на конюшне есть четыре дорогих рысака: он их холит, лелеет, все рассказывает про своих рысаков, но никогда на них не ездит» («Тургенев и круг „Современника“». Academia, М.—Л., 1930, с. 341).

⁶ «Сын Отечества», № 41, от 13 октября 1857 г. — «Обзор литературных журналов».

⁷ Некрасов, V, 326.

⁸ «Толстой и Тургенев. Переписка». Изд. Сабашниковых, М., 1928, 45; «Первое собрание писем И. С. Тургенева», СПб., 1884, 56.

⁹ «Архив села Карабихи», 198—199.

¹⁰ В. Евгеньев-Максимов. Неудавшаяся коалиция. — «Лит. Наследство», т. 25—26, с. 375.

¹¹ В документе, озаглавленном «Расчет для определения дивиденда причитающегося 4 сотрудникам за исключительное участие в журнале „Современник“ в 1857 г.», показаны следующие итоговые суммы (гонорара и дивиденда), полученные в 1857 г. участниками «соглашения»: Толстой — 2383 р. 74¹/₄ к., Островский — 593 р. 28 к., Тургенев — 723 р. 44 к. и Григорович — 2661 р. 75¹/₄ к., т. е. всего 6362 р. 21¹/₄ к.

¹² Об издании «Исторической Библиотеки» при «Современнике», см. «Лит. Наследство», т. 49—50, с. 628—630.

¹³ В 1856—1857 гг. полустыльный гонорар «исключительных сотрудников» составлял (не считая дивиденда) сумму от 75 до 100 р.

¹⁴ Документ опубликован в цит. выше статье В. Е. Евгеньева-Максимова «Неудавшаяся коалиция». — «Лит. Наследство», т. 25—26, с. 376—383.

¹⁵ Некрасов, V, 328.

¹⁶ «Архив села Карабихи», 199—200.

¹⁷ Некрасов, V, 331.

¹⁸ «Русская Мысль», 1902, II, 125—126.

¹⁹ «Толстой и Тургенев. Переписка». Изд. Сабашниковых, М., 1928, 45.

²⁰ «Тургенев и круг „Современника“». Academia, М.—Л., 1930, с. 352.

²¹ В. Евгеньев-Максимов. Неудавшаяся коалиция. — «Лит. Наследство», т. 25—26, с. 360.

²² «Тургенев и круг „Современника“». Academia, М.—Л., 1930, с. 206—207.

²³ Прозвище А. Ф. Писемского.

²⁴ Рукописный отдел Музея Л. Н. Толстого. Шифр: $\frac{1 \text{ А Бот}}{28}$.